

© 2012 г. Д.М. САВИНОВ

О ПРИЧИНАХ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются причины, обусловившие эволюцию систем предударного вокализма в южнорусских говорах. Развитие нейтрализации в безударных слогах актуализировало дистактные связи между гласными, в основе которых лежали диссимилятивные закономерности, сформировало «устойчивый вокальный каркас» фонетического слова, что в свою очередь привело к модификации его старой ритмической структуры. Изменения затрагивали не только сегментную структуру слова, но и его просодическую организацию: новая система предполагала, что основные признаки вокалических компонентов реализовывались в рамках не слога или отдельного сочетания звуков, а фонетического слова и определялись его артикуляционной и просодической программами. Происходящие изменения способствовали выделению акцентного ядра, усилению связи между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, формированию того типологического многообразия моделей предударного вокализма, которое отмечается сегодня в южнорусских говорах.

0. Основные изменения в русской фонетике следуют «закону И.А. Бодуэна де Куртенэ», сформулированному и подробно описанному М.В. Пановым: «В русском языке, как в большинстве славянских, упрощается система гласных, усложняется система согласных <...> гласные играют все меньшую роль для различения слов» [Фонетика 1968: 10]. Среди фактов, подтверждающих этот закон, М.В. Панов называет утрату в русском литературном языке фонемы /ѣ/, переход от «высокого оканья» к аканью, смену экающего произношения, при котором в 1-м предударном слоге реализации фонем /'а/, /'о/, /'э/ не совпадают с аллофонами фонемы /и/, на икающее, где эти фонемы нейтрализованы [Там же: 22–30].

Ослабление функциональной нагрузки гласных – универсальная тенденция в развитии любой диалектной подсистемы русского языка, однако особенно активно она действует в южнорусских говорах. О неуклонном сокращении различительной способности гласных на исследуемой территории могут свидетельствовать следующие факты. Во-первых, широко распространена тенденция к уменьшению количества гласных фонем, утрата различения четырех степеней подъема и переход к пятифонемному вокализму. Сегодня семифонемный вокализм – реликтовая диалектная черта, ареал говоров с противопоставлением фонем /о/ и /ω/, /е/ и /ѣ/ размыт и не имеет достаточно четких очертаний [ДАРЯ 1986: карты 40, 42]. Однако данные памятников, а также материалы современных говоров свидетельствуют о том, что большинство южнорусских диалектных систем имело в прошлом семифонемную модель вокализма.

Во-вторых, уменьшается количество звукотипов: в 1-м предударном слоге после мягких согласных происходит нейтрализация фонем /'а/, /'о/, /е/ (/ѣ/), с одной стороны, и /и/, с другой. На месте корреляции [а] – не-[а], где [а] противопоставлено [е], в большинстве говоров развивается новая система корреляций [и] – не-[и], где [а] и [е] являются вариантами единого звукотипа не-[и] и вместе противопоставлены звукотипу [и], в котором реализуются не только /и/, но и фонемы неверхнего подъема. После твердых согласных для многих южнорусских вокалических систем характерно сильное аканье,

которое постепенно вытесняет диссимилятивное¹. Количество говоров, имеющих в 1-м предударном слоге единый звукотип [а] для всех позиций, увеличивается в направлении с запада на восток, они широко распространены в юго-восточной диалектной зоне.

В-третьих, в большинстве южнорусских говоров отмечается тенденция к ассимилятивным изменениям безударных гласных. Существуют сложившиеся типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья, в которых «ассимилятивность представляет собой позднейший слой, как бы наложившийся на уже отстоявшийся тип предударного вокализма» [Аванесов 1949: 92]. Однако элементы ассимилятивного вокализма обнаруживаются и в других системах аканья и яканья. Особенно широко в южнорусских говорах распространена регрессивная ассимиляция гласного 2-го предударного слога гласному 1-го предударного слога [Пауфогима 1981: 26–29; Просодический строй 1996: 211–215]. И хотя в большинстве южнорусских систем вокализма эта особенность не имеет перспектив, то есть не может стать фактом языка, она показывает общую тенденцию сокращения нагрузки безударных гласных.

Наконец, во многих диалектных системах активно развивается еще одна тенденция, которая находится в тесной связи с только что описанной. Впервые она была сформулирована Л.Л. Касаткиным: в русском языке происходит постепенный переход от более напряженной артикуляционной базы к менее напряженной. Именно эта особенность развития русской фонетики обуславливает монофтонгизацию дифтонгов, появление в некоторых юго-восточных говорах «полоротых о и а», а также способствует уменьшению числа звукотипов «в артикуляционном пространстве» [Касаткин 1999: 131–139].

Эти основные тенденции на протяжении долгого времени обуславливали изменения в системе вокализма. Их действие актуализировало другие процессы, которые уже затрагивали не только сегментную структуру слова, но отражались и на его просодической организации. В статье будет рассмотрено, каким образом формирование и развитие этих тенденций привело к существующему сегодня многообразию типов предударного вокализма.

1. Можно ли рассматривать развитие нейтрализации гласных неверхнего подъема в безударных слогах как упрощение системы гласных, как одно из проявлений «закона И.А. Бодуэна де Куртенэ»? Так, Р.И. Аванесов считал, что широкое распространение аканья за счет оканья связано с его структурным преимуществом, поскольку «принцип аканья, т. е. неразличения в безударных слогах гласных неверхнего подъема, проще принципа оканья, которое заключается в различении их» [Аванесов 1947: 147]. Такого же мнения придерживался и М.В. Панов [Фонетика 1968: 22]. Однако с этим нельзя согласиться. Совпадение /о/ и /а/ в безударном положении сопровождается одновременным «возникновением не менее сложных новых различий» [Котков 1963: 62], то есть сокращение количества различающихся единиц в позициях нейтрализации фонем вовсе не свидетельствует об уменьшении структурной сложности системы.

Например, при диссимилятивном аканье в 1-м предударном слоге фонемы /о/ и /а/ нейтрализованы, но они совпадают не в одном, а в двух звукотипах [а] и не-[а], которые четко противопоставляются друг другу в зависимости от гласного под ударением. Сохраняются два гласных различителя, которые находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. В этих говорах происходит усиление позиционной зависимости гласных, отмечается иной ритмико-динамический стереотип слова, но здесь нет упрощения, примитивизации системы предударного вокализма по сравнению с оканьем.

¹ Очевидно, что при диссимилятивной организации предударного вокализма информационный уровень гласных 1-го предударного слога повышен по сравнению с более простыми моделями: сильным аканьем и иканьем, свойственными литературному языку. Именно поэтому, например, различные разновидности диссимилятивного яканья «не оказались сколько-нибудь серьезными соперниками и врагами литературного произношения; они не получили даже временного распространения» [Фонетика 1968: 18].

Кроме того, практически любая разновидность аканья предполагает, что основные признаки вокалических компонентов реализуются не в рамках слога или отдельного сочетания звуков, но в рамках фонетического слова и определяются его артикуляционной и просодической программами. Очевидно, что подобная суперсегментная связь отличается от сегментной более высоким уровнем организации, а вокалическая система, основанная на дистактных отношениях между элементами, имеет сложную внутреннюю структуру, обеспечивающую стабильность ее функционирования [Калнынь 2001: 31].

Р.И. Аванесов считал, что аканье зародилось на территории курско-орловских, тульских и рязанских говоров, которые «едины в своей исторической основе», а различия между этими группами «носят по большей части вторичный, позднейший характер» [Аванесов 1952: 40–41]. По его мнению, а также по мнению ряда других ученых, наиболее древний тип аканья был диссимилятивным, и лишь затем на его основе сформировались другие модели предударного вокализма [Аванесов 1952: 38–43; Горшкова, Хабургаев 1997: 109–115]. Однако существующая сегодня зависимость предударного гласного от степени подъема ударного гласного, характерная для диссимилятивного вокализма, исторически не первична, и причиной появления и развития подобных типов аканья и яканья «не могла быть диссимиляция – стремление говорящих <...> расподобить подъёмы гласных» [Касаткин 2010: 82].

Можно предположить, что диссимилятивный вокализм в своем развитии должен был пройти два этапа [Горшкова, Хабургаев 1997: 117]: первый – унификация дифференциальных признаков всех безударных гласных неверхнего подъема, второй – формирование новой системы зависимости между ударным и безударными гласными, основанной на фонетико-просодических параметрах. Возможный алгоритм первого этапа изменения представлен в статье Л.Л. Касаткина. По его мнению, в древности в южнорусских говорах фонемы /a/, /o/, /ω/ различались не только под ударением, но и в безударном положении², в этой позиции их основными реализациями были монофтонги [a], [ɔ] и [ɔ̃]. Изменения шли по следующей модели: «Вначале с [a] после твердых согласных совпал [ɔ], представлявший /o/, так возникло аканье. В этот процесс включился и [ɔ̃], представлявший /ω/» [Касаткин 2010: 88].

На втором этапе, постепенно вызревавшем в недрах первого, происходило зарождение и развитие диссимилятивной зависимости между гласными. Унификация дифференциальных признаков безударных гласных неверхнего подъема приводила не только к резкому сокращению различительных единиц, но и к неустойчивости фонетической системы в целом³. Именно в этой ситуации происходило формирование принципиально новой просодической модели слова, что стало закономерной реакцией на происходящие изменения. Стабилизирующим фактором в новых условиях становится перестройка межслоговых отношений: вместо старого контактного типа «связи звука с предшествующим сегментом» появляется дистактная связь, основанная «на том, что выбор предшествующего звука определяется антиципацией следующего сегмента» [Калнынь 2001: 122]. Подобные дистактные связи между слогами, имевшие расподобляющий характер, становятся одним из основных средств просодического оформления слова.

Предположительно динамическая структура слова в русском языке на этапе, предшествующем появлению аканья, оформлялась при помощи волнообразного ритмического контура, что было характерной особенностью «далского предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом» [Кузнецов 1964: 35; Касаткин 2010: 89]. Подобный ритмический контур предполагает усиление гласного через слог, то есть имеет вид [– ∪ –]. Нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема ак-

² Л.Л. Касаткин обнаружил различие этих фонем в безударном положении в одном севернорусском архаическом говоре [Касаткин 2010: 87].

³ Необходимо также учитывать тот факт, что ко времени возникновения аканья система консонантизма южнорусских говоров еще не могла в достаточной мере принять на себя основные различительные функции: у согласных не была окончательно сформирована корреляция по твердости / мягкости.

туализирует новые дистактные связи между гласными в фонетическом слове, в результате старая динамическая модель претерпевает изменения. Новый тональный контур сохраняет волнообразный характер и имеет в своей основе квантитативные отношения, однако, в отличие от своего прототипа, существует не в одном, а в нескольких вариантах в зависимости от долготной характеристики гласного под ударением.

Безударная позиция способствует ослаблению и сокращению гласного, уменьшению артикуляционного напряжения при его произношении и, как следствие, изменению его артикуляции. Только под ударением в акающих говорах гласные неверхнего подъема продолжают различаться, произносятся с наибольшей интенсивностью и силой. Поэтому ярче всего новые дистактные связи проявляются между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога. Создаются благоприятные условия для усиления центральной части слова, правда, на этом этапе формирующееся акцентное ядро еще не было резко противопоставлено периферийным слогам. Происходившие изменения регулировались правилами, актуальность которых проявлялась не в пределах сочетания отдельных слогов, но в пространстве всего слова, объединенного единой просодической программой. Гласные «выступают как целостный блок, объединяющий взаимосвязанные компоненты, когда выбор гласного определяется вокальным компонентом следующего слога» [Калнынь 2001: 26].

В основе новой динамической модели лежит компенсаторный механизм: чем ниже подъем ударного гласного, тем выше его собственная длительность; соответственно, чем выше его длительность, тем более короткие звуки произносятся в 1-м предударном слоге и тем более длинные – во 2-м предударном. В результате происходит «коррекционное» изменение: включение в просодическую программу слова дистактных вокальных связей становится стабилизирующим фактором для всей фонетической системы. Информативность безударных гласных вновь повышается: дополнительным средством различения становится общая ритмическая структура слова, то есть соотношение позиционных длительностей.

2. При решении вопроса о том, какие отношения между гласными акцентного ядра были первичны при формировании архаического диссимилятивного вокализма количественные или качественные, нельзя опираться только на синхронные данные. Было бы некорректным проецировать закономерности, характерные для современных диссимилятивно акающих говоров, на прошлые состояния этих диалектных систем и утверждать, что определяющим при формировании диссимилятивного аканья были именно качественные, а не квантитативные связи [Красовицкий 1999: 194]. Качественная диссимиляция – это «лишь результат фонетических процессов, происходящих в определенных позициях, но она никогда не является их причиной» [Касаткин 2010: 82]. Не вызывает сомнений первичность именно количественных отношений между гласными: долготная характеристика ударного гласного в этой системе предопределяла всю ритмико-динамическую структуру слова. Таким образом, модель с квантитативными отношениями между гласными можно считать наиболее архаическим типом диссимилятивного предударного вокализма.

Однако для русского языка нехарактерно противопоставление гласных по длительности, долгота и краткость не были их дифференциальными признаками. Позиционные варианты безударных гласных не обобщались в звукотипы, слабо контрастировали между собой, а их количественные характеристики находились в отношении свободного варьирования, что обусловило нестабильность квантитативных отношений при диссимилятивном вокализме. Кроме того, действующие тенденции способствовали упрощению вокалической системы, сведению всего множества вариантов к нескольким функциональным единицам. В результате произошло качественное разграничение предударных гласных в зависимости от их квантитативных характеристик. Возможные количественные модификации были обобщены в два звукотипа: [a] – не-[a]. Долгий широкий [a] стал произноситься перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема, а более короткие и закрытые [ɔ] и [e] – перед гласными среднего и нижнего подъема,

таким образом, способы оформления фонетического слова были сведены к двум унифицированным схемам. Выбор гласного во 2-м предударном слоге также основывался на диссимилятивном принципе: [а] появлялся в позиции перед [э] и [я] – перед [а]. Количественные параметры гласных в новой системе играют лишь второстепенную роль и постепенно теряют свою позиционную обусловленность.

Такая просодическая модель отмечается и в современных говорах с диссимилятивным аканьем; по мнению некоторых исследователей, она также характеризуется волнообразной ритмической структурой [Князев, Урбанович 2002: 90–91; Касаткин 2010: 88–89]. Однако подобный способ оформления фонетического слова не может быть охарактеризован исключительно как волнообразный, предполагающий последовательное чередование долгих и кратких слогов. Прежде всего волнообразный контур предполагает усиление гласного через слог от ударного, то есть в отличие от модели, характерной для диссимилятивного вокализма, должен быть построен по единой схеме. Следы этого более древнего фонетического оформления слова отмечаются в некоторых современных севернорусских говорах, о чем свидетельствуют «случаи выпадения и сильной редукции гласных в 1 п/у и в 1 з/у неконечном слоге и усиление и удлинение во 2 з/у на конце слова» [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 47], см. также [Пауфошима 1983: 67].

Характерной чертой волнообразного ритмического контура является «пониженная интенсивность и длительность гласного 1-го предударного слога по сравнению с ударным»⁴ [Просодический строй 1996: 223]. Краткость гласного в этой позиции обуславливает в некоторых окающих говорах «модификацию предударного *a* в сторону среднего и средне-верхнего подъема при колебании ряда от средне-заднего до заднего». При отходе от оканья на месте *o* и *a* в качестве субстрата сохраняется более закрытый гласный, с чем отчасти и связана его относительная краткость [Высотский 1973: 36].

Сигналом низкой интенсивности и склонности к редукции гласного в определенной позиции может служить тенденция к его ассимиляции, уподоблению более сильному гласному. В севернорусских говорах «наибольшей неустойчивостью в составе фонетического слова отличается гласный 1-го предударного слога: он может уподобляться как гласному последующего слога (ударному), так и предшествующему гласному» [Просодический строй 1996: 219].

В современных говорах с диссимилятивным аканьем отмечается принципиально иная система. Основные характеристики гласного 1-го предударного слога напрямую зависят от ряда фонетико-просодических условий: от качества ударного гласного и от фразовой позиции; последнее не позволяет включать «количественные показатели в правила чередования гласных при диссимилятивном аканье» [Красовицкий 1999: 187]. Так, в некоторых калужских говорах с диссимилятивным вокализмом фразовый акцент выражается в усилении начального слога независимо от конкретных характеристик входящих в его состав сегментов. Звук [э] в этой позиции «может достигать значительного уровня интенсивности, иногда даже несколько превышая по этому признаку следующий ударный гласный» [Красовицкий 1999: 191]. Однако и при отсутствии фразового акцента перед ударным [а] «произносится гласный скорее 1-й ступени, чем 2-й ступени редукции», поэтому нет основания считать звук типа [э], находящийся в позиции диссимиляции, редуцированным [Высотский 1973: 37; 1977: 54]. Таким образом, гласные, реализующие звукотипы [а] и не-[а], зачастую сближаются по своим квантитативным характеристикам, а в некоторых позициях происходит их полное количественное совпадение [Фомина 1980: 14].

Распространение в современных южнорусских говорах принципа диссимиляции и на второй предударный слог, когда *a*-образные гласные произносятся перед реализациями звукотипа не-[а] и *э*-образные – перед реализациями звукотипа [а], – это лишь

⁴В севернорусских говорах действует и другая тенденция – к просодическому усилению (акцентогенности) начала слова, которое может изменять и общий ритмический контур [Князев, Урбанович 2002: 86; Касаткина 2010: 8]. «Тем не менее, примеры с усилением слога, расположенного через один от ударного, преобладают» [Пауфошима 1983: 65].

слабый след старой ритмической структуры слова с волнообразным контуром. По длительности и интенсивности гласные 1-го предударного слога обычно не уступают, а чаще всего превосходят гласные 2-го предударного слога. О слабости гласных в этой позиции свидетельствует также их ассимилятивное уподобление гласным 1-го предударного слога, широко распространенное в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом [Пауфошима 1981: 26–29].

Р.Ф. Касаткина охарактеризовала динамическую модель фонетического слова, свойственную современным диссимилятивно акающим говорам, как смешанную, сочетающую волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия» [Просодический строй 1996: 222]. Все вышесказанное подтверждает эту мысль. Системы диссимилятивного вокализма характеризуются прочной связью между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, наличием сформированного акцентного ядра. «Сильный центр» противопоставлен «слабой периферии» только в части позиций, при ударных гласных верхнего и верхне-среднего подъёмов. Однако низкая степень редукции звука [э], тенденция к его усилению и удлинению в 1-м предударном слоге также свидетельствуют о стремлении к просодической выделенности центральной части слова.

3. Появление архаического диссимилятивного аканья напрямую обуславливалось наличием под ударением семифонемной системы вокализма, которая была представлена в прототипичном виде – как система восходящих и нисходящих дифтонгов [yō] – [ōy] и [iē] – [ēi] в соответствии с фонемами /ω/ и /o/, /ѣ/ и /е/ [Касаткин 1999: 388]. Однако «дифтонг – само по себе неустойчивое сочетание звуков», поэтому монофтонгизация «принадлежит к числу очень частых и распространенных явлений в языках мира» и возможна «как неспецифическая реакция на любые возмущающие обстоятельства» [Чекман 1979: 146]. В русском языке утрата дифтонгов связана с развитием тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы: дифтонги – это неоднородные звуки, которые образуются в результате сложного комплекса движений артикуляционных органов. Процесс монофтонгизации дифтонгов, начавшийся еще в древнерусский период, не закончен в некоторых русских говорах до сих пор [Касаткин 1999: 135].

Актуализация названной тенденции приводит к трансформации исходной прототипичной системы ударного вокализма, к преобразованию дифтонгов [yō] – [ōy] и [iē] – [ēi] в монофтонги. Этот процесс проходит в два этапа: на первом этапе монофтонгизируются нисходящие дифтонги, представляющие фонемы /o/ и /e/, на втором – восходящие. В зависимости от конкретной системы на месте фонемы /ω/ появляются звуки верхне-среднего и среднего подъёмов [ɔ] и [o], на месте фонемы /o/ – звуки среднего и средне-нижнего подъёмов [o] и [ɔ]; основными реализациями фонемы /ѣ/ становятся гласные [ɛ] и [e], фонемы /е/ – гласный [e].

Монофтонгизация дифтонгов перестраивает вокалическую систему говоров. И хотя в результате количество гласных фонем остается прежним (в отдельных системах возможно лишь появление зон неразличения), в артикуляционном пространстве увеличивается число звукотипов. Например, раньше основными реализациями фонем /ω/ и /o/ были сложные звуки [yō] – [ōy], отличавшиеся друг от друга восходящей или нисходящей артикуляцией (в зависимости от места слогового элемента) и противопоставленные аллофонам фонем /y/ и /a/ прежде всего как дифтонги – монофтонгам. После преобразования системы стало больше монофтонгов, следовательно, вариативность артикуляторных характеристик, присущих основным аллофонам фонем /y/, /ω/, /o/ и /a/, значимо уменьшилась. Сокращение зон рассеивания звукотипов требует более сильного напряжения речевого аппарата при их произнесении, что снова входит в противоречие с развивающейся тенденцией к уменьшению напряженности артикуляционной базы. Существует два пути устранения этого противоречия.

Во-первых, возможно упрощение самой системы предударного вокализма, устранение противопоставления фонем /ω/ ~ /o/ и /ѣ/ ~ /е/. Как показывают данные современных говоров, сначала утрачивается противопоставление /ѣ/ ~ /е/, затем /ω/ ~ /o/,

что связано с особенностями протекания процесса монофтонгизации (подробнее см. [Касаткин 1999: 393; Савинов 2010: 107–109]). Как правило, в результате складывается пятифонемная система вокализма, сходная в общих чертах с системой литературного языка. Подобное развитие характерно для Курско-Орловской и Тульской групп: здесь представлены пятифонемные системы вокализма, которые могут сохранять лишь следы прежнего различия /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/ (примеры см. в [Касаткина (ред.) 1999: 66, 84–85, 89]) или лексикализованное произношение [и] в соответствии с фонемой /ѣ/ в словах *дѣверь* ‘брат мужа’, *исть* (ѣисть) ‘есть, кушать’, *сѣвер*, *сѣверко* ‘холодный северный ветер’, а также в производных типа *засѣвереть* ‘начать холодать’, *пойсть* ‘поссть’ и т. д. [СОГ 3: 56; 4: 81, 159; 10: 100; 13: 114].

Во-вторых, расширение артикуляционных зон семи гласных фонем возможно за счет увеличения челюстного раствора. Очевидно, что чем «больше челюстной раствор, тем меньшая напряженность артикуляции нужна, чтобы произвести “нужное” качество звука» [Касаткин 1999: 133]. При расширении артикуляционного пространства основными реализациями фонем /o/ и /e/ становятся исключительно гласные средне-нижнего подъема [ɔ] и [ɛ], причем гласный [ɔ] может смещать локус в зону аллофонов фонемы /a/ литературного языка, соответственно, на месте фонемы /a/ в такой системе появляются более открытые или упередненные звуки. Аллофоны фонем /ω/ и /ѣ/ обычно локализируются в зоне среднего подъема. Подобный вариант развития возможен только при наличии в говорах тенденции к симметричности, «геометризации» отношений между гласными. Ее действие приводит к развитию систем противопоставлений /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/ как оппозиции двух степеней подъема: средний ~ средне-нижний.

Практически во всех южнорусских говорах, различающих под ударением семь гласных фонем, звук [ɔ] отмечается как возможная реализация фонемы /o/. По всей видимости, этот факт связан с историей развития системы ударного вокализма в русском языке. Так, в слободских говорах Харовского р-на Вологодской обл. Р.Ф. Касаткина обнаружила следующую закономерность: в соответствии с *o под нисходящим ударением в говоре произносится дифтонг [ou] и монофтонг [ɔ], а в соответствии с *ѣ – почти исключительно [ɔ]. Эту особенность Р.Ф. Касаткина интерпретирует как сохранение следов «древнего различия *o под нисходящим ударением и *ѣ», то есть монофтонг [ɔ] был типичным воплощением фонемы /ѣ/ в сильной позиции [Пауфошима 1983: 35–36; Касаткин 1999: 388].

Однако наличие гласного [ɛ] в соответствии с фонемой /e/ при семифонемном вокализме не является универсальным явлением для русских говоров. Очевидно, что развитие системы гласных по второму пути, то есть за счет расширения артикуляционной зоны, следует ожидать лишь в том случае, если на месте фонемы /e/ появляется гласный средне-нижнего подъема, то есть звукотип, соответствующий по степени подъема основной реализации фонемы /o/. Результатом подобной трансформации системы становится сохранение семи гласных фонем при увеличении их зоны рассивания, что соответствует общему условию изменений – уменьшению напряженности артикуляционной базы.

Как правило, в дальнейшем под воздействием актуальной тенденции к сокращению различительной способности гласных подобная вокалическая система также упрощается за счет совпадения фонем /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/. Алгоритм подобного изменения представлен в некоторых рязанских говорах. Здесь формируется особая вокалическая система, при которой звук [ɔ], реализующий фонему /o/, с одной стороны, противопоставляется [o], реализующему /ω/, с другой – постепенно становится свободным в употреблении, распространяясь на новые слова, а также спорадически заменяя [o] на месте этимологического *ω. В этих говорах отмечаются примеры типа *тэрф*, *ан'иудѣт*, *ѣч'ирк*, *калхѣс*, *фрѣнт*, *йарѣй* (герой), *закѣн*, *шкѣлѣ*, *в'инѣ*, и даже *дѣбрѣуѣ*, *на ѣѣрку*, *кѣн'ч'ѣл*, *хѣд'а*, *рабѣт'лѣ*, *икѣны*, *вѣт* (ср. вокалические системы, представленные в говорах сел Боршевское и Лиляги Милославского р-на Рязанской обл. [Савинов 2008: 184, 189]). В результате такого развития может появиться система, при которой «вместо двух

фонем – <ω> и <о> – существует лишь одна, однако репрезентированная не звуком [о], как в большинстве южнорусских говоров, но звуком [ɔ]» [Высотский 1975: 4].

Описанная тенденция приводит к формированию пятифонемной системы вокализма. Ее главная особенность заключается в том, что фонемы /о/ и /е/ реализуются в гласных более пониженного подъема, чем в литературном языке: на месте /о/ произносится открытый слабо лабиализованный [ɔ], на месте /е/ – [ɛ]. Наличие большой зоны рассеивания для реализаций фонем /и/ и /у/ определяет потенциальную возможность их понижения до верхне-среднего подъема (ср. вокалическую систему, представленную в говоре д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. [Касаткина (ред.) 1999: 137]). Пятифонемную систему вокализма с гласными средне-нижнего подъема [ɔ] и [ɛ] на месте /о/ и /е/ любого происхождения С.С. Высотский отмечал также в Солодчинском р-не Рязанской обл. [Высотский 1967: 25]. Очевидно, что фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /у/, /и/, /о/ и /е/ может свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в недалеком прошлом противопоставления /ω/ ~ /о/ и /ѣ/ ~ /е/ [Фомина 1980: 8–9].

4. Тенденции к упрощению системы гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы активно действовали и на безударные гласные. Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья, имевшие в 1-м предударном слоге противопоставление [а] – не-[а], с момента своего образования подвергались ассимилирующему воздействию ударных гласных. Кроме того, произношение перед реализациями фонемы /е/ звуков [е] и [э]⁵, что характерно для этих архаических систем, не может считаться диссимиляцией, но свидетельствует в пользу ассимилятивных отношений между гласными акцентного ядра слова. Этот факт, видимо, также способствовал развитию в южнорусских говорах межслоговой гармонии, которая, тем не менее, проявлялась в рамках сложившейся системы архаического диссимилятивного вокализма.

Можно предположить, что действие ассимилятивных тенденций изначально было позиционно ограничено положением перед гласными верхне-среднего и среднего подъемов. К такому выводу можно прийти в результате структурного анализа различных типов вокализма, имеющих ярко выраженную архаическую диссимилятивную основу. Разумеется, в разных региональных вариантах трансформация архаического вокализма происходила неодинаково, однако изменения на первом этапе всегда захватывали позиции перед ударными гласными /о/, /е/, /ѣ/, /ω/: это характерно для формирования многих вторичных типов аканья и яканья.

В русском языке межслоговая вокальная ассимиляция может затрагивать признаки ряда, подъема и лабиализации. Эти типы ассимилятивных изменений имеют разную значимость для системы вокализма: так, лабиализация или упереднение гласного [э] перед ударными /о/, /е/ структурно не значимы. Однако изменение подъема и появление звуков [ɛ] или [а] на месте [е] и [э] перед ударными /о/ и /а/, а также упереднение и повышение подъема [а] перед /ѣ/ входят в противоречие со старой диссимилятивной системой, хотя на этом этапе и не вызывают качественной трансформации ее структуры.

Постепенно в южнорусских говорах накапливался новый языковой материал, который вначале встраивался в прежнюю модель вокализма и сосуществовал со старыми диссимилятивными отношениями, хотя отчасти и предвосхищал будущие изменения. На данном этапе развития системы гласных вокальная гармония не была фактом языка: примеры с ассимилятивными изменениями безударных гласных подчинялись действующей в речи тенденции, но не имели статуса фонетического закона. Сохранению прежних диссимилятивных отношений между гласным 1-го предударного слога и ударным гласным способствовала существовавшая динамическая модель слова: перед гласными среднего и нижнего подъемов был возможен только звукотип не-[а], перед остальными гласными – только звукотип [а].

⁵ Имсющего в этой позиции склонность к переходу в более передний ряд.

Вероятно, системным явлением ассимиляция стала в результате активизации двух процессов: монофтонгизации дифтонгов и модификации на некоторых южнорусских территориях ритмической структуры слова. Одновременно с развитием тенденции к разрушению старой системы дифтонгов в ряде южнорусских говоров происходила смена динамической модели. Прежде структура фонетического слова в диссимилятивно-аканьющих говорах оформлялась смешанным способом, совмещающим волнообразный контур с контуром «сильный центр и слабая периферия». Постепенно последний контур становится в ряде диалектных систем доминирующей моделью и распространяется на все позиции – вне зависимости от конкретных акустических характеристик ударного гласного. Благодаря новой ритмической модели завершается формирование акцентного ядра слова, и «просодически активная» центральная часть теперь становится резко противопоставленной всем другим слогам.

Л.Л. Касаткин предположил, что причиной такого изменения стало иноязычное влияние: «Именно эта модель ритмики слова могла быть заимствована в древности русскими у татар и других тюркоязычных народов» [Касаткин 2012]. Действительно, следы подобных языковых контактов, как правило, носят системный характер и «дольше всего сохраняются в фонетике, преимущественно в просодии» [Касаткина 2010: 9].

Однако взаимодействие внутренних и внешних факторов в процессе развития и функционирования языка – проблема, не имеющая однозначного решения. Можно предположить, что смене ритмической модели слова способствовало не только тюркоязычное влияние, но и внутренние языковые факторы, поскольку этот процесс находился в русле актуальных тенденций развития русской фонетической системы. Появление нового ритмического контура устраняло основное препятствие на пути формирования сильного аканья и яканья. Подобная модель развития способствовала сначала усилению неравновозможности гласных различителей, изменению их частотности, а затем и сокращению их числа, уменьшению информационной нагрузки гласных. В свою очередь уменьшение количества звукотипов в артикуляционном пространстве приводило «к увеличению самого этого пространства», к снижению напряженности гласных [Касаткин 1999: 133].

Процесс монофтонгизации дифтонгов ограничил действие старой фонетической зависимости качества гласного 1-го предударного слога от ударного гласного, имевшей диссимилятивный характер. Новая ритмическая структура слова сделала допустимым произношение в 1-м предударном слоге широких длительных гласных перед ударными гласными среднего, средне-нижнего и нижнего подъёмов. Эти изменения провоцировали в диссимилятивном вокализме структурные сдвиги, адекватные новым условиям функционирования. Ассимилятивно-диссимилятивная природа архаического аканья и яканья, а также активно развивающиеся ассимилятивные процессы приводили к перестройке всей системы, к ее стабилизации на принципиально новых основаниях. Для русских диалектов не уникальна ситуация, «когда слоговая гармония обнаруживает свой потенциал только при условии нарушения традиционной вокальной модели слова» [Калнынь 2001: 31].

5. В Восточной группе южнорусского наречия наибольшее распространение получила ассимиляция по подъему. Ассимилятивные тенденции действовали и раньше, до изменения ритмического контура, в результате чего перед /o/ и /a/ в 1-м предударном слоге на месте [e] и [ə] распространялись звуки [ε] или [ạ]. И хотя эти гласные средне-нижнего подъема по-прежнему оставались представителями звукотипа не-[a], всего один шаг отделял подобную систему предударного вокализма от глобального изменения. Новый ритмический контур активизирует распространение на месте [ε] и [ạ] гласного нижнего подъема [a], что совершенно уничтожает старую диссимилятивную систему перед ударными [o] и [a] и способствует развитию ассимилятивно-диссимилятивного аканья и яканья на новосёлковской основе.

Под влиянием общей тенденции к сокращению функциональной нагрузки гласных и увеличению ее на согласные произошло окончательное оформление фонологическо-

го противопоставления согласных по твердости / мягкости. Перед /e/ на месте твердых распространяются мягкие согласные, что провоцирует в 1-м предударном слоге изменение [e] > [и], артикуляция которого «ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного» [Касаткин 2010: 93]. Происходит упрощение системы корреляций после мягких согласных: от [а] - не-[а] к [и] - не-[и], что также следует актуальной тенденции к уменьшению различительных возможностей безударных гласных. Звук [e] перестает быть отдельным звукотипом и функционально объединяется с гласным [а] в звукотипе не-[и]. Впрочем, в результате действия ассимилятивных тенденций гласный [и] на месте фонем неверхнего подъема возможен всего в двух позициях: перед /e/ и /'o/.

Так формируется ассимилятивно-диссимилятивное яканье новосёлковского типа. Для новой системы вокализма характерна фонологизация противопоставления [и] ~ [а], то есть полная утрата фонетической зависимости между гласными акцентного ядра слова. Как правило, эта разновидность яканья сочетается в южнорусских говорах с системой семифонемного вокализма, в которой под ударением гласные среднего или реже – верхне-среднего подъема противопоставляются гласным средне-нижнего подъема: [o] ~ [ɔ], [e] ~ [ɛ] или [ɔ] ~ [ɔ], [ɛ] ~ [ɛ]. Однако сохранение противопоставления гласных [а] ~ [и] перед /e/ и /'ɤ/ при этом типе вокализма уже не имеет никакого отношения к особенностям системы ударных фонем. Фонологизация позиционных чередований обуславливает усиление влияния на выбор гласного в 1-м предударном слоге морфонологических факторов, то есть консервация системы новосёлковского ассимилятивно-диссимилятивного яканья поддерживается наличием в говоре ряда значимых грамматических черт (подробнее см. [Савинов 2010: 111–113]).

Если условия для лексикализации и грамматикализации произношения гласных отсутствуют, в 1-м предударном слоге независимо от гласного под ударением распространяется звук [а]. Отрицание не-, а также предлоги и приставки (типа без-, пере-), находящиеся в 1-м предударном слоге, могут свободно употребляться перед различными ударными гласными. Поэтому в указанной позиции последовательно проводится принцип сильного яканья (н'а ч'эснэй, н'а п'јэш, н'а л'јэт'и, н'а кш'онэй [Савинов 2008: 188–189]). Возможности для лексикализации и грамматикализации отсутствуют и после твердых согласных – здесь функционирует сильное аканье, которое может сохранять лишь следы прежней диссимилятивной системы перед ударным [а], что наблюдается в слабой фразовой позиции, при отсутствии выделенности слова [Касаткин 2010: 85]. Инструментальные исследования структуры сильного аканья в юго-восточных говорах выявляют диссимилятивную основу этого типа вокализма не только в позиции перед [а], но и перед [o] (из *ъ): ђ[э]м[ó]к, пл[э]т[ó]чки (примеры из с. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл. [Просодический строй 1996: 240]).

В остальных безударных слогах длительность гласных максимально сокращается, зачастую – до нуля звука. В пределах юго-восточной диалектной зоны «отмечены примеры отражения высокой степени редукции гласных, в том числе гласных верхнего подъема», как во 2-м предударном, так и в заударных слогах [Строганова 1977: 88–89]. Эти гласные также имеют склонность к ассимиляции более сильным гласным: гласный 2-го предударного слога уподобляется гласному 1-го предударного слога; заударный гласный – ударному [Просодический строй 1996: 212–213].

6. Характерной чертой Тульской группы стала ассимиляция по ряду: в результате ее действия перед /'ɤ/ в 1-м предударном слоге стали возможны гласные [ɛ] и [e] (при яканье) и упредненные [ɶ] и [ɔ] (при аканье). Очевидно, что эта тенденция возникла как реакция на процесс монофтонгизации дифтонгов: появление упредненных гласных повышенного подъема на месте [а] в 1-м предударном слоге находится в прямой связи с распространением под ударением гласного верхне-среднего подъема [ɛ] на месте дифтонга [иe]. Подобная модель развития подтверждается исследованием тульских

памятников письменности XVII в., а также данными современных говоров с диссимилятивно-умеренным яканьем, сочетающимся с аканьем архаической разновидности⁶.

В результате действия регрессивной ассимиляции ударному [ɛ] архаическое диссимилятивное яканье изменялось в систему, подобную современному дмитриевскому диссимилятивному яканью: предударные гласные продолжали различаться перед /ω/ и /o/, но совпадали перед /ъ/ и /е/. Затем регрессивная ассимиляция возникала перед ударным [и], потом – перед дифтонгом [иу], который в архаических южнорусских говорах реализует фонему /'у/ [Касаткин 1999: 390]. Так возникло диссимилятивно-умеренное яканье наиболее архаического вида: звукотип [а] функционировал перед ударными [ы], [у], [о], звукотип не-[а] – перед [и], [ɛ], [с], [’у], [o], [’o], [а], [’а].

В тульских говорах также постепенно формируется корреляция согласных по твердости/мягкости. Перед рсализациями фонемы /е/ начинают произноситься палатализованные согласные, это было необходимым условием для изменения в 1-м предударном слоге [ɛ] в [и]; видимо, прежде всего звук [и] на месте [ɛ] распространялся в позиции перед мягкими согласными. Этот процесс приводит не только к фонологизации фонетической закономерности, но видоизменяет саму систему распределения гласных 1-го предударного слога: появление гласного [и] на месте фонем неверхнего подъема теперь обусловлено не артикуляционной характеристикой ударного гласного, а фонологическим признаком следующего за ним согласного.

Отличительной особенностью тульских говоров, предопределившей дальнейшее развитие предударного вокализма, было положение между Восточной и Курско-Орловской группами говоров. Для Восточной группы характерно формирование нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», для Курско-Орловской – более длительное сохранение старого смешанного контура. В большинстве тульских говоров произошла смена тональной модели. Как и в Восточной группе, здесь окончательно оформляется акцентное ядро слова – «сильный центр», что является необходимым условием для распространения сильного аканья и яканья. Однако на западе исследуемой территории смены тональных контуров не произошло, что способствует сохранению диссимилятивного вокализма.

В тех тульских говорах, которые развили новый ритмический контур, звук [а] в 1-м предударном слоге стал возможен перед любым ударным гласным, что кардинально изменило прежнюю систему предударного вокализма. После твердых согласных развивалось сильное аканье, которое, как и в юго-восточных говорах, могло сохранять следы своей диссимилятивной основы. После мягких согласных и перед твердыми также во всех позициях распространялся звук [а], однако наличие [и] перед мягкими согласными сразу же ограничило появление в этой позиции гласных неверхнего подъема, репрезентирующих звукотип не-[и], хотя отдельные особенности системы умеренного яканья также могут быть интерпретированы как рефлекс диссимилятивного вокализма. Таким образом, умеренное яканье, характерное для большинства современных тульских говоров, сложилось в результате совмещения двух принципов: умеренности в позиции перед мягкими согласными и принципа сильного яканья в позиции перед твердыми.

В дальнейшем умеренное яканье обычно развивается за счет распространения [и] перед твердыми согласными, то есть движется в сторону иканья. Причины этого очевидны: нейтрализация фонем /’а/, /’o/, /е/ и /и/, возникнув в позиции перед мягкими согласными, неуклонно расширяет область своего функционирования, постепенно увеличивая число позиций неразличения.

7. На западной периферии тульских говоров сохранялась старая структура фонетического слова, что обуславливало консервацию прежней диссимилятивной зависимости. При наличии под ударением противопоставления /ω/ ~ /o/ на месте [ɛ] перед

⁶ См. предположение Л.Э. Калнынь, что умеренное яканье репрезентует «вокальную модель слова, которой свойственна такая суперсегментная характеристика, как слоговая гармония» [Калнынь 2001: 28].

ударными /o/ и /a/ со временем распространялся звук [и], то есть происходил окончательный переход к системе противопоставления [и] – не-[и]. Так возникло архаическое диссимильтивно-умеренное яканье верхне-днепровской разновидности.

После твердых согласных продолжало функционировать архаическое диссимильтивное аканье, которое также испытывало действие ассимильтивных тенденций: вначале – перед монофтонгами, реализующими фонему /ѣ/, затем – перед монофтонгами, реализующими фонему /ω/, позднее – перед реализациями фонемы /и/. В результате в этих позициях появляются гласные, представители звукотипа не-[а]: *нэ ш'илэв'экэ-тэ, поједу, кэп'еиш'к'и, зэкрэс'и'елс'э, кэ мнэ, карову, сэ-мнэй, плэт'к'и, хэлс'т'ина, бэл'и'ицэ* и даже *мыки* (муки). Соответственно после мягких согласных произношение [а] наиболее последовательно сохраняется только перед ударным [у], тогда как перед [о] и [ы] начинает произноситься гласный [и]. Таким образом, звукотипы [а] и не-[и] не исчезают совсем, однако функционально значительно ослабевают. Подобная система предударного вокализма отмечена в некоторых говорах Белёвского р-на Тульской обл. и Ульяновского р-на Калужской обл. В дальнейшем она развивается за счет распространения в 1-м предударном слоге гласных [и] после мягких и [э] после твердых согласных независимо от гласного под ударением, то есть здесь активно развивается процесс, ведущий к полному неразличению всех гласных фонем в безударном положении.

Если при формировании диссимильтивно-умеренного яканья противопоставление фонем /ω/ ~ /o/ отсутствовало и диссимильция проявлялась только перед /a/, в результате актуализации умеренного принципа возникало неархаическое диссимильтивно-умеренное яканье древнейшего вида с произношением [а] перед ударными [ы], [у], [о]; [е] перед ударным [а]; [и] перед ударными [и], [е], [у], [о], [а]. Такой тип яканья, называемый чухломским, до сих пор отмечается в некоторых говорах Чухломского акающего острова, которые сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем [Касаткин 1999: 433], что, вероятно, и обусловило сохранение наиболее древних отношений при диссимильтивно-умеренном яканье.

Диссимильция перед [а] сохранялась благодаря особой ритмической структуре слова. После твердых согласных формировалось диссимильтивное аканье жиздринской разновидности, после мягких возникало неархаическое диссимильтивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа (после изменения [е] > [и] перед ударным [а]). Эти типы вокализма широко распространены в юго-западной диалектной зоне [ДАРЯ 1986: карты 1, 3].

8. Говоры Курско-Орловской группы, а также елецкие и оскольские наиболее долго сохраняли старую структуру ритмического оформления слова. Поэтому на указанных территориях диссимильтивные типы вокализма сохраняются до сих пор, во всяком случае после мягких согласных. Изменение [е] > [и], которое произошло после распространения перед звуком [е] мягких согласных, привело к формированию новой модели архаического яканья – обоянской. Фонологизация корреляции гласных в 1-м предударном слоге обусловила прекращение действия прежних фонетических закономерностей, в частности привела к ограничению действия ассимильтивных тенденций. Впредь гармония гласных может проявляться только как речевая, коартикуляционная особенность, незначимая с точки зрения системы.

При архаическом аканье и яканье обоянской разновидности, поддержанных семифонемным вокализмом, появление того или иного варианта зависит уже не от фонетической позиции, но также от различных фонологических или лексико-грамматических условий. Подобная система, как правило, изменяется лишь за счет закрепления или распространения одного из звукотипов в определенных формах или словах, а также за счет распространения [и] перед фонологически мягкими согласными.

Если в говоре последовательно функционирует семифонемная система вокализма, архаическое аканье и обоянское диссимильтивное яканье также стабильно сохраняются, отмечаются лишь единичные исключения. Утрата противопоставления /ѣ/ ~ /е/, /ω/ ~ /o/ приводит к постепенной трансформации архаического вокализма. Прежде всего это

выражается в разрушении системы диссимилятивного яканья, и лишь затем – диссимилятивного аканья (подробнее см. [Савинов 2010: 113–115]). Однако выбор [а] или [э] в 1-м предударном слоге при таком типе вокализма зависит не от каких-то акустических характеристик ударных гласных, но от фонематической позиции. Даже наличие «не-этимологических звукотипов средне-верхнего, среднего и средне-нижнего подъемов» в соответствии с /ѣ/, /ѡ/, /е/ или /о/ никак не отражается на звукотипе в 1-м предударном слоге: он употребляется в соответствии с этимологией ударного гласного [Фомина 1980: 8].

Обоянское диссимилятивное яканье при изменении условий своего существования, то есть при переходе к пятифонемной системе вокализма, может трансформироваться в щигровский или суджанский типы диссимилятивного яканья. С утратой противопоставления фонем верхне-среднего и среднего подъемов звукотипы в 1-м предударном слоге полностью теряют свою позиционную обусловленность. Сохранение чередования [и] || [а] перед [о] в пределах одной парадигмы (*с'ало́*, но *с'ило́м* или *с'идо́й стар'и́к* но *с'адо́уэ стар'ика́*) способствует расширению фонологической вариативности корней. Это противоречит общей тенденции грамматического развития в русском языке к усилению аналитизма, которая выражается «в стремлении к сохранению единообразного вида морфемы» [Гловинская и др. 1971: 22], и потому устраняется системой.

Происходит унификация звукового состава корня, благодаря чему перед ударным [о] из *о и *ѡ распространяется звук [а]. Это происходит в результате морфологического обобщения основ слов с ударением на флексии, при этом в лексемах с ударением на основе звук [и] может сохраняться. Взаимовлияние произносительных особенностей различных падежей, в результате которого происходит устранение чередования [и] || [а] или сохранение однотипной закономерности перед ударным [о], характерно для форм словоизменения единственного числа. Наличие этого гласного в парадигме множественного числа не играет значительной роли, что связано с общей тенденцией к выделению форм множественного всех существительных в особый, самостоятельный тип склонения: *л'исо́к*, *л'иско́м*, но *л'аско́у*.

Разумется, процессы аналогического выравнивания ограничены определенными парадигмами и не распространяются механически, поэтому системы суджанского и щигровского типов яканья практически всегда сохраняют черты своей основы – архаического яканья обоянской разновидности. Наиболее последовательно звукотип [и] перед [о] из *о и *ѡ сохраняется в формах И. п. и Т. п. существительных с финалью (не суффиксом) -ок: *п'исо́к*, *м'ишо́к* и *п'иско́м*, *м'ишко́м*; в Р. п. местоимений (типа *его*): *йиуо́*, *п'ич'иуо́*; в словах различных частей речи с ударением на основе: *с'в'икро́в'яа*, *с'в'ико́лкэ*, *в'ирхо́м*, *п'ишко́м*.

В суджанском яканье, помимо морфонологического фактора развития, действует также фонологический – тенденция к умеренности, к произношению [и] перед мягкими согласными. Прежде всего гласный [и] появляется перед [е] (из *ѣ), действие грамматической аналогии в этой позиции ограничено, поскольку /е/ и /ѣ/ не встречаются в пределах одной парадигмы. В связи с этим закономерности произношения, характерные для позиции перед ударным *е* из *е и *ѣ, не распространяются на позиции перед ударным *е* из *ѣ.

Именно этот факт, а также отсутствие тенденции к умеренности обуславливают сохранение противопоставления гласных 1-го предударного слога перед ударным *е* в зависимости от его происхождения при щигровском диссимилятивном яканье (а вовсе не более поздняя утрата противопоставления /е/ – /ѣ/). Следует отметить, что фонологический фактор развития достаточно продуктивен в южнорусских говорах: суджанское диссимилятивное яканье широко распространено на севере Белгородской, в Курской и Орловской областях. Щигровской тип, сохраняющий произношение [а] перед этимологическим *ѣ, отмечается лишь в небольшом количестве населенных пунктов и не имеет ярко выраженных ареалов [Захарова 1971: 7].

Архаическое диссимилятивное аканье параллельно изменяется в диссимилятивное аканье жиздринского типа. По-видимому, в своем развитии аканье проходит через не-

сколько промежуточных диссимилятивных типов, при которых перед ударными [е] и [о] любого происхождения возможны как гласный [а], так и гласные [э] и [а̣], принадлежащие звукотипу не-[а]. Подобные переходные типы аканья отмечаются на севере Белгородской обл., возможно, прежде они были характерны и для некоторых курских говоров.

Постепенно в Курско-Орловской диалектной группе также происходит формирование нового ритмического контура «сильный центр и слабая периферия», в результате здесь развивается сильное аканье. Однако появление [а] перед ударным [а] при шигровском и суджанском типах диссимилятивного яканья всегда характеризует отдельные формы, например глагольные формы прошедшего времени или формы существительных м. р. и ср. р., а также прилагательных ж. р., но не становится правилом позиционного чередования: *ун'асла́, ўз'ала́, с'ала́, мал'д'н'ака́, ал'н'ана́е, но с'истра́, в'ирста́, у д'ир'иу́н'ах, нэ с'т'ина́м, н'ир'в'иза́т'.*

В результате могут формироваться особые модели предударного вокализма, которые по формальным признакам (наличию в части позиций [а] перед /а/) могут быть определены как умеренно-диссимилятивные или ассимилятивно-диссимилятивные типы. Однако они отличаются от соответствующих моделей, образованных в результате действия ассимилятивных процессов на более ранних этапах развития и распространенных в говорах юго-восточной диалектной зоны. Во-первых, перед ударным [а] отмечаются примеры, противоречащие новому принципу вокализма, но свидетельствующие о прежней диссимилятивной основе. Во-вторых, в ряде случаев сохраняется произношение [и] перед [о] (из *ѣ), что характерно для прототипов – диссимилятивного яканья шигровской и суджанской разновидностей [Захарова 1971: 16–17].

В некоторых говорах суджанское яканье может сосуществовать с элементами иканья. О проникновении элементов иканья обычно свидетельствует произносительная система частиц, предлогов и приставок, находящихся в 1-м предударном слоге. В этой позиции при суджанском типе диссимилятивного яканья обычно характерно распространение гласного [и]: *б'испла́тна, н'и ул'а́н'а, н'и де́ла, н'и је́л'и; н'и хош'у, н'и по́мн'у, н'иуо́днэ, н'ипло́хэ; н'и ви́д'а, н'и ры́ла, н'и бу́ду, н'и ну́с'т'ит'.*

Причины появления иканья те же, что и при умеренном яканье: звук [и], реализующий в 1-м предударном слоге не только фонемы /а/, /о/, /е/, но и /и/ (независимо от позиции), свободен в употреблении, появление же звука [а] всегда позиционно обусловлено. В сложившейся ситуации [а] становится маркированным элементом системы, а [и] – немаркированным, а для развития любой системы характерно постепенное устранение маркированных элементов.

Таким образом, развитие системы вокализма в южнорусских говорах подчиняется общей закономерности – тенденции к сокращению различительной способности гласных, усилению позиционной обусловленности безударных гласных и уменьшению напряженности артикуляционной базы. Эти тенденции на протяжении веков затрагивали не только сегментное, но и просодическое устройство слова. Развитие нейтрализации в безударных слогах актуализировало дистактные связи между гласными, в основе которых лежали диссимилятивные закономерности, сформировало «устойчивый вокальный каркас» фонетического слова, что в свою очередь привело к модификации его старой ритмической структуры. Происходящие изменения способствовали выделению акцентного ядра, усилению связи между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, которые постепенно начинают противопоставляться остальным безударным гласным.

При нарушении диссимилятивной зависимости между гласными, что связано с окончательным переходом к ритмическому контуру «сильный центр и слабая периферия», ассимиляция становится в ряде южнорусских говоров системным явлением. Дальнейшее развитие вокалических систем на исследуемой территории зависит от нескольких параметров: способа оформления фонетического слова, количества гласных фонем, типа ассимиляции и системы противопоставления в 1-м предударном слоге. Формирование после мягких согласных корреляции [и] – не-[и] отменяет системное

действие фонетических факторов развития, в том числе и регрессивной ассимиляции. В дальнейшем эти типы предударного вокализма будут развиваться под влиянием фонологических и морфонологических факторов.

В заключение можно отметить, что стремление стабилизировать вокальный состав слова «в качестве реакции на синтагматические изменения» также может быть признано характерной особенностью развития не только «радикально консонантической» русской фонетической системы. Она обнаруживается «в разных регионах Славии в диалектах разной типологической характеристики» [Калнынь 2001: 34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1947 – *Р.И. Аванесов*. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.
- Аванесов 1949 – *Р.И. Аванесов*. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
- Аванесов 1952 – *Р.И. Аванесов*. Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6.
- Альмухамедова, Кульшарипова 1980 – *З.М. Альмухамедова, Р.Э. Кульшарипова*. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.
- Высотский 1967 – *С.С. Высотский*. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Высотский 1973 – *С.С. Высотский*. О звуковой структуре слова в русских говорах // С.В. Бромлей (отв. ред.). Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Высотский 1975 – *С.С. Высотский*. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Е.В. Немченко (отв. ред.). Русские говоры: к изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Высотский 1977 – *С.С. Высотский*. К вопросу о диссимилятивном принципе вокализма // С.С. Высотский (отв. ред.). Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
- Гловинская и др. 1971 – *М.Я. Гловинская, Н.Е. Ильина, С.В. Кузьмина, М.В. Панов*. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Горшкова, Хабургаев 1997 – *К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.
- Захарова 1971 – *К.Ф. Захарова*. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (Лексико-морфонологическая характеристика) // ВЯ. 1971. № 2.
- Калнынь 2001 – *Л.Э. Калнынь*. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Касаткин 1999 – *Л.Л. Касаткин*. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2010 – *Л.Л. Касаткин*. Из истории аканья – яканья в русском языке // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20).
- Касаткин 2012 – *Л.Л. Касаткин*. Из истории аканья – яканья в русском языке // М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина (ред.). Русская фонетика в развитии: фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века. М., 2012.
- Касаткина (ред.) 1999 – *Р.Ф. Касаткина* (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.
- Касаткина 2010 – *Р.Ф. Касаткина*. Специфика севернорусского наречия – субстратная или генетическая? // ВЯ. 2010. № 5.
- Князев, Урбанович 2002 – *С.В. Князев, Г.И. Урбанович*. О ритмической модели слова в некоторых архангельских говорах // Л.Л. Касаткин (отв. ред.). Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002.
- Котков 1963 – *С.И. Котков*. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Красовицкий 1999 – *А.М. Красовицкий*. Просодические характеристики слова в говорах с диссимилятивным аканьем // Р.Ф. Касаткина (отв. ред.). Проблемы фонетики. III. М., 1999.
- Кузнецов 1964 – *П.С. Кузнецов*. К вопросу о происхождении аканья // ВЯ. 1964. № 1.

- Пауфошима 1981 – *Р.Ф. Пауфошима*. О произношении гласных второго предударного слога в некоторых русских говорах // Р.И. Аванесов (отв. ред.). Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.
- Пауфошима 1983 – *Р.Ф. Пауфошима*. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Просодический строй 1996 – *Т.М. Николаева* (отв. ред.). Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Савинов 2008 – *Д.М. Савинов*. К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от semifонемного вокализма // Л.Л. Касаткин (отв. ред.). Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М., 2008.
- Савинов 2010 – *Д.М. Савинов*. Пути развития архаических типов вокализма в южнорусских говорах // Русск. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20).
- Строганова 1977 – *Т.Ю. Строганова*. О вокализме 2-го предударного слога после твердых согласных в акающих говорах // Р.И. Аванесов (отв. ред.). Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- СОГ – Словарь орловских говоров / Науч. ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1–. Ярославль; Орел, 1989–.
- Фомина 1980 – *Т.Г. Фомина*. Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1980.
- Фонетика 1968 – Фонетика современного русского литературного языка / Под. ред. М.В. Панова. М., 1968.
- Чекман 1979 – *В.Н. Чекман*. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.

Сведения об авторе:

Дмитрий Михайлович Савинов
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
crillon@yandex.ru